УДК 297

Особенности политизации ислама в республиках Северо-Западного Кавказа

Нунуев Саид-Хамзат Махмудович

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социально-культурного сервиса и туризма,

Чеченский государственный университет,

364037, Чеченская Республика, Грозный, ул. Шерипова, 32;

e-mail: nunuevsh2016@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования являются особенности политизации ислама в республиках Северо-Западного Кавказа. Цель работы – установить особенности политизации ислама в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее на основе сравнения конфликтности политико-конфессиональных процессов. Эмпирическая основа работы включает в себя нормативно-правовые акты, итоги социологических опросов, статистику преступлений террористической направленности. Результаты статьи применимы в политике органов государственной власти федерального и регионального уровней по противодействию религиозному экстремизму и терроризму, в миротворческой деятельности религиозных организаций. На основе результатов анкетных опросов доказан низкий, поверхностный уровень религиозности молодежи на Северо-Западном Кавказе, что создает возможности манипулирования общественным мнением. Радикальный ислам выступает идеологической и организационной формой, а не ведущей причиной угроз экстремизма. Установлен неравномерный уровень конфликтности политико-конфессиональных процессов: наиболее высокий уровень в Кабардино-Балкарии, наименьший – в Адыгее. Определены причины роста конфликта: низкий уровень доходов и экономического развития, безработица и слабая вовлеченность молодежи в легитимный политический процесс, деструктивные воздействия извне – из стран Ближнего Востока и республик Северо-Восточного Кавказа, подпитывающие экстремизм на религиозной почве. Сформулированы рекомендации по повышению эффективности противодействия религиозному экстремизму: последовательно провести курс деполитизации конфессий; реализовать программы профилактики экстремизма молодежи; качественно нарастить ресурсное обеспечение интернет-ресурсов, разоблачающих терроризм; повысить статус консультативных советов при органах власти; обеспечить высокую религиозно-ведческую квалификацию государственных и муниципальных служащих.

Для цитирования в научных исследованиях

Нунуев С.-Х.М. Особенности политизации ислама в республиках Северо-Западного Кавказа // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 52-65.

Ключевые слова

Ислам, политизация, конфликт, политико-конфессиональные процессы, религиозный экстремизм, противодействие экстремизму.

Введение

Актуальность научной проблемы проявляется в том, что императивы обеспечения национальной безопасности России, межконфессионального и межэтнического согласия могут быть эффективно реализованы только при профессиональном учете специфики регионов нашей страны. Политизация конфессиональных систем, в том числе – ислама, создает риски экстремизма под религиозным прикрытием. Следовательно, необходимо разрабатывать программы гармонизации межконфессиональных отношений с учетом особенностей каждого из субъектов Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы

Особенности политизации ислама в республиках Северо-Западного Кавказа до 2000-х гг. в специализированных работах не изучались. Первыми внимание теме уделили этнологи И.Л. Бабич и А.А. Ярлыкапов [Бабич, Ярлыкапов, 2003, 15-21]. Особенности ислама на Северо-Западном Кавказе и взаимосвязь религиозных интересов с этнополитическими выясняли И.Л. Бабич [Бабич, 2014], Н.А. Нефляшева [Нефляшева, 2015], Р.Ф. Патеев [Патеев, 2014]. Состояние религиозной идентичности анализировали З.А. Жаде, Г.С. Денисова и Л.В. Клименко [Жаде, Денисова, Клименко, 2011], Ш.Н. Такушинов [Такушинов, 2012]. Информативны экспертные доклады, подготовленные Распределенным центром межнациональных и межрелигиозных проблем Минобрнауки РФ [Тишков, Аствацатурова, Степанов, 2014, 31-52; Тишков, 2015, 84-108]. Проявления экстремизма в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии исследовали С.Я. Сущий [Сущий, 2013, 332-337], Л.Б. Внукова, Д.Д. Челпанова и И.В. Пашенко [Внукова, Челпанова, Пашенко, 2014, 140-148]. Напротив, некоторые зарубежные исследователи проявляют необъективность, именуя террористов «преследуемыми оппозиционерами» [Северный Кавказ..., 2012, www]. Коллектив социологической службы Media-Orient (Прага, Чехия) [Текушев, 2012, www] противопоставляет этническую идентичность в Кабардино-Балкарии гражданской и религиозной, для чего нет оснований. Тема работы остается дискуссионной и неравномерно изученной. Сравнительный анализ политизации ислама, как и политики противодействия религиозному экстремизму в масштабе трех республик Северо-Западного Кавказа, еще не проводился.

Цель статьи – установить особенности политизации ислама в Кабардино-Балкарии (КБР), Карачаево-Черкесии (КЧР) и Адыгее (РА) на основе сравнения конфликтогенности политико-конфессиональных процессов.

Географические рамки исследования – республики Северо-Западного Кавказа: Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Адыгея. По сравнению с Северо-Восточным Кавказом они отличаются повышенным удельным весом русского, христианского населения. Выбранные регионы сходны историческими особенностями, проявлением солидарности адыгских народов.

Теоретическая основа исследования

Статья подготовлена на основе субъектно-деятельностного подхода к политизации религии, дающего возможность определить акторов политики, их ресурсы и стратегии. Использована конструктивистская парадигма религиозности, что позволило избежать априорных суждений о «возрождении религии» на Северо-Западном Кавказе.

Источниковая база работы включает в себя нормативно-правовые акты Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики, итоги социологических опросов, статистику преступлений террористической направленности.

Исторический контекст политизации ислама

Начнем исследование с обзора долгосрочных факторов специфики политизации ислама на Северо-Западном Кавказе. В отличие от Дагестана, где ислам закрепился еще в VII в., горная полоса Кабарды, Карачая и Адыгеи исламизирована только в конце XVIII – начале XIX вв. Принятие ислама происходило неравномерно и поверхностно, поскольку сообщества находились на стадии перехода от патриархального строя к государственности. Нормы шариата накладывались на местное обычное право (адаты) и нравственные нормы (Адыгэ Хабзэ) [Патеев, 2014, 93-98]. В отличие от Чечни, Дагестана и Ингушетии, у адыгов, карачаевцев и балкарцев не закрепились суфийские братства. После советской атеистической политики возрождение ислама на Северо-Западном Кавказе развивалось менее интенсивно, чем в Дагестане, Чечне и Ингушетии.

Среди религий, действующих в республиках Северо-Западного Кавказа, ислам и христианство – самые распространенные. В Кабардино-Балкарской Республике на 21 июля 2016 г. органы Министерства юстиции РФ зарегистрировали 191 религиозную организацию, среди которых 135 – исламских, 25 – протестантских и 21 – православная. В Карачаево-Черкесии зарегистрированы 172 религиозных организации, в том числе – 122 исламских, 33 православных и 12 протестантских. В Адыгее зарегистрировано 83 религиозных организации, из них 54 православных, 14 мусульманских и 13 протестантских [Информация..., 2016, www].

Анкетный опрос студенческой молодежи, проведенный Распределенным научным центром Минобрнауки РФ в 2013 г., показал, что в КБР сочли себя последователями ислама 81,0% респондентов, а православными – 4,2%, атеистами – 2,1%. В КЧР считали себя последователями ислама 84,7% опрошенных, православными – 11,1%, атеистами – 0,7% [Тишков, Аствацатурова, Степанов, 2014, 13].

Этнодемографический фактор политизации ислама

Повышение статуса субъектов Федерации после распада СССР, этнополитические и конфессиональные конфликты, коренная смена экономической системы вызвали кардинальные перемены в этнодемографической структуре республик. Между переписями 1989 и 2010 гг. в КБР удельный вес русских уменьшился с 32,0 до 22,5%, кабардинцев – вырос с 48,2 до 57,2%, балкарцев – вырос с 9,4 до 12,7%. В Карачаево-Черкесии процент русских снизился с 42,4 до 31,6, а удельный вес карачаевцев вырос с 31,2 до 41,0%, черкесов – увеличился с 9,7 до 11,9%. В РА этнодемографические изменения умеренны. Удельный вес русских в населении снизился за 1989-2010 гг. с 68,0 до 63,6%, адыгейцев – вырос с 22,1 до 24,3% [Всесоюзная..., 2016, www; Информационные..., 2011, www]. Сдвиги шли из-за миграционного оттока русских и повышенной рождаемости «титulyных» народов. Среди мигрантов преобладают представители народов, исповедующих ислам. За 2013 г. 58,9% приехавших в Адыгею мигрантов из СНГ представляли исламский ареал [Цветков, 2014, 10]. Этнодемографические процессы способствовали усилению ислама.

Уровень религиозности на Северо-Западном Кавказе

Религиозность остается поверхностной, как доказывают результаты социологических исследований. Сотрудники Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований в 2014 г. провели анкетный опрос «титulyного» населения (выборка 240 чел., пропорциональная по возрастному и территориальному признакам). Считают себя мусульманами 78% адыгов. Но только 9,1% респондентов регулярно посещают мечеть, «иногда» – 20,9%. На вопрос: «Что отличает мусульманина от неверующего?» – 45,5% ответили: «Совершение намаза», а только 18,5% – «Вера» и 11,6% – «Признание Шихады (единобожия)». 77,6% опрошенных мусульман затруднились сказать, последователем какого из мазхабов они себя считают. Источниками знаний об исламе в Адыгее остаются, прежде всего, семья (73,2% ответов), СМИ (27,2%), религиозная литература (19,7%) и только на четвертом месте Коран (18,9% ответов) [Делова, 2015]. Интересные сведения дал опрос студентов Адыгейского государственного университета (2013 г., полиэтническая выборка). Почти 35% респондентов редко, но испытывают неприязнь, агрессию к лицам другой веры и неверующим. Оправдывают агрессивное поведение отстаиванием интересов народа и веры 8,6%. Студен-

ты сочли организаторами профилактики экстремизма семью – 39,5% ответов, образовательные учреждения – 28,5%, органы исполнительной власти – 16,5%. Законодательные органы назвали организаторами 8,5%, а общественные объединения не назвал никто [Ляужева, 2015, 89-91]. Такое состояние общественного мнения открывает простор для манипуляций с религиозными установками поведения.

Религиозный радикализм достаточно распространен в КБР. Об этом свидетельствует анкетный опрос, проведенный чешским информационным агентством Medium-Orient (2012 г., 400 чел. всех национальностей, стратифицированная выборка). Второе-третье места в рейтинге острых проблем республики заняли безопасность (69% ответов) и проблемы религии, прежде всего – ваххабизм (59%). Процент респондентов, считающих религиозную проблему острой, возрос с 6 до 59% за 2005-2012 гг. Усугубление конфликта опрошенные объясняли экономическим кризисом (77%), неэффективной работой руководства КБР (50%), активностью конфессиональных сообществ (20%) и только 15% – действиями федеральной власти [Текушев, 2012, www].

Социологические данные о политизации ислама в Карачаево-Черкесии отрывочны. По опросу студенческой молодежи всех национальностей, проведенному в 2013 г. под руководством В.А. Тишкова, религиозная самоидентификация находится на третьем месте (43,8% ответов), отставая от гражданской и экономической. Считали, что их дискриминируют по религиозному признаку, 9,7% респондентов [Тишков, Аствацатурова, Степанов, 2014, 37-39]. Анализ состава молодых людей, поставленных на учет в МВД КЧР как склонных к экстремизму (в 2012 г. – около 650 чел.), проведенный Ш.Н. Такушиновым, подтвердил прирост их численности на 30% в год. Возраст вступления в экстремистские джамааты – 16-23 года, состав – мужчины младше 30 лет. Вопреки стереотипам, социальный состав потенциальных экстремистов в КЧР не отличался по уровню образования и наличию работы от всего массива молодежи [Такушинов, 2012, 202-203].

Таким образом, в КЧР и КБР социальная база религиозного экстремизма существует и воспроизводится, а в Адыгее ситуация более благополучна. Л.Б. Внукова и С.Я. Суций обращают внимание на то, что конфликт между карачаевскими и черкесскими, кабардинскими и балкарскими этноэлитами слабо влияет на состав религиозных экстремистов. Среди последних правоохранные органы фиксируют представителей различных народов в той же пропорции, как и во всем населении республик [Внукова, 2015; Суций, 2013, 332-337]. Интегратором экстремизма выступает радикальный ислам.

Угрозы экстремизма и терроризма в регионе

Исследуем степень распространенности терроризма на Северо-Западном Кавказе. Салафитские радикальные ячейки здесь возникли под влиянием сепаратизма в Чечне. В КЧР в 1991 г. были созданы «Имамат Карачая» и сеть молодежных джамаатов (лидеры

М. Биджиев и А. Гочияев), мечеть и медресе в Учкене, где преподавали зарубежные радикальные проповедники. В 1999-2004 гг. активисты «Исламского джамаата» КЧР совершили ряд резонансных терактов в Москве, Краснодаре, Волгограде, за что понесли судебное наказание. Что касается КБР, там в 1998-2005 гг. существовал джамаат (лидер М. Мукожев) в составе 40 ячеек и нескольких тысяч салафитов, многие из них учились на Ближнем Востоке. В 2002 г. от него отделяется джамаат «Ярмук» (лидер М. Атаев), перешедший к терактам. 13-14 октября 2005 г. 100-200 террористов напали на г. Нальчик под руководством М. Мукожева и А. Астемирова, что вызвало массовые жертвы [Северный Кавказ..., 2012, www]. В Адыгее терактов не было, но пресечена деятельность экстремистской секты «Нурджулар»¹ по созданию подпольных структур. Этап автономного развития экстремизма в республиках заканчивается в 2007 г. ослаблением подполья вследствие мер правоохранительных органов.

Второй этап развития террористических групп мы датируем 2007-2012 гг. Он связан с интеграцией джамаатов КЧР и КБР в структуру террористической организации «Имарат Кавказ»². Республики стали зоной действия ее структурного подразделения – «Объединенного валията Кабарды, Балкарии и Карачая»³, построенного по сетевому признаку. По подсчетам Л.Б. Внуковой, И.В. Пашенко и Д.Д. Челпановой, с мая по декабрь 2010 г. число терактов в КБР составило 159 (на 73% больше уровня 2009 г.), география подрывных действий расширилась на всю республику. В регионе был впервые введен режим контртеррористической операции [Внукова, Челпанова, Пашенко, 2014, 140-148]. Перелом ситуации к лучшему достигнут с осени 2012 г.

Л.Б. Внукова на основе пространственно-временного банка данных ГИС «Терроризм на Юге России (программы учета акций террористической направленности)» полагает, что за 2013 – первую половину 2015 гг. в КБР и КЧР зарегистрировано 10% терактов, происшедших во всем Северо-Кавказском федеральном округе. Происходил спад террористической активности: с 22 случаев до 7 в КБР, с 4 случаев до 0 в КЧР [Внукова, 2015, 91-93]. В августе 2015 г. контртеррористическая операция в КБР привела к ликвидации одного из главарей бандподполья И. Табухова, а в ноябре – Р. Занкишиева и Ю. Бицуева, объявлявших себя амирами бовиков в подчинении ИГИЛ⁴ [Тишков, 2015, 86, 94-96]. Основной причиной этого стали усиление мер безопасности накануне и во время проведения зимних Олимпийских игр в Сочи, успешные действия правоохранительных органов в ходе контртеррористических операций и разгрома лабораторий по производству самодельных взрывных устройств (в КБР).

1 Признана экстремистской решением Верховного Суда России 10 апреля 2008 г. о запрете деятельности.

2 Признана террористической решением Верховного Суда России от 8 февраля 2010 г. Запрещена на территории Российской Федерации.

3 Признано экстремистским решением Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 9 июля 2010 г. Запрещено на территории Российской Федерации.

4 Признана террористической решением Верховного Суда России 29 декабря 2014 г. Запрещена на территории Российской Федерации.

Адыгея – единственная республика, где радикальные молодежные джамааты не отделялись от официального ислама. В РА нет большого числа имамов и верующих, обучавшихся в странах Ближнего Востока (на 2014 г. – 12 чел.). Однако отмечается подрывная активность «интернет-имамов» в социальных сетях и на интернет-форумах [Нефляшева, 2015]. Негативна тенденция роста числа жителей республики, выехавших для участия в военных действиях на стороне террористической организации «Исламское государство»⁵. Из г. Адыгейска за 2014 г. эмигрировали под влиянием имама 5 семей [Федотова, Чеповская, 2015, www]. В РА возбуждены дела в отношении 6 чел., подозреваемых в причастности к «Исламскому государству». Двое из них задержаны, 4 находятся в Сирии и подозреваются в участии в бандформировании [В Адыгее..., 2015, www].

Политика противодействия религиозному экстремизму

Перейдем к рассмотрению нормативной и институциональной подсистем политики противодействия религиозному экстремизму. Так, в КБР реализованы республиканские целевые программы «Взаимодействие с религиозными организациями в Кабардино-Балкарской Республике и их государственная поддержка» на 2013-2015 гг. РЦП № 13 и «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике» на 2011-2015 гг. РЦП № 55.

В КЧР действует Министерство КЧР по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати. В КБР эти функции выполняет Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей. В Республике Адыгея создан Комитет РА по делам национальностей, связям с соотечественниками и СМИ. Институциональная структура органов власти, занятых данными вопросами, остается в каждом регионе специфической.

Духовные управления мусульман организованы в каждой республике, они представляют традиционный ислам ханафитского мазхаба, ведут конструктивный диалог с властью. Духовное управление КЧР создало Совет улемов (проповедников), включив в него уважаемых молодежью лидеров, что позволяет удерживать джамааты салафитов от радикализации [Северный Кавказ..., 2012, www].

Действует ряд консультативных общественных советов (Совет старейшин при Президенте КЧР и Комиссия при Президенте КЧР по гармонизации межнациональных отношений, недопущению экстремизма и дестабилизации обстановки в республике). Другим органом, обеспечивающим межконфессиональное согласие, является Общественная пала-

5 Признана террористической решением Верховного Суда России 29 декабря 2014 г. Запрещена на территории Российской Федерации.

та КЧР. В Карачаево-Черкесии на муниципальном уровне действуют программы, направленные на регулирование религиозных конфликтов, укрепление общественного согласия и патриотическое воспитание.

Этнические организации в КЧР («Къарачай алан халък», «Адыгэ-Хасэ»), общественное движение «Русь», Баталпашинский отдел Кубанского казачьего войска) участвуют в противодействии религиозному экстремизму [Кратов, 2011]. Такая работа налажена и в Адыгее, где действует Общественно-консультативный совет при Комитете РА по делам национальностей, связям с соотечественниками и СМИ.

Одним из важных факторов борьбы с экстремизмом выступает религиозное просвещение молодежи. Поэтому в средних общеобразовательных учреждениях введен предмет «История и культура мировых религий». В г. Нальчике действует Северо-Кавказский Исламский университет им. Имама Абу Ханифы, в г. Черкесске – Исламский институт, их программы построены в русле традиционного ислама.

Заключение

Для каждой из республик Северо-Западного Кавказа характерен свой уровень конфликтогенности религиозно-политических процессов. Наиболее высок он в Кабардино-Балкарии, наименьший – в Адыгее. Сохраняется угроза нарастания конфликта. У этого сценария следующие причины: низкий уровень доходов и экономического развития, повышенный уровень безработицы и слабая вовлеченность молодежи в политический процесс, деструктивные воздействия извне – из стран Ближнего Востока и республик Северо-Восточного Кавказа, подпитывающие экстремизм.

Подходы органов власти регионального уровня к противодействию радикализации ислама различаются. В Карачаево-Черкесии вопросам межконфессиональных отношений уделено больше внимания. Повысить эффективность действий органов власти в Кабардино-Балкарии и Адыгее помогло бы обновление законодательных актов, повышение статуса специализированных структурных подразделений власти и их координация. Противодействие религиозному экстремизму требует последовательно проводить курс деполитизации конфессий; осуществлять целевые программы профилактики экстремизма молодежи; качественно повышать ресурсное обеспечение интернет-ресурсов, разоблачающих терроризм. Важна институционализация государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений. Целесообразно повышение статуса консультативных советов при республиканских и местных органах власти. Нужно обеспечить высокую религиозно-квалификационную государственную и муниципальную служащих, ввести для них требования наличия религиозно-квалификационного высшего образования и регулярного повышения квалификации.

Библиография

1. Бабич И.Л. «Мягкая исламская революция» в современной Адыгее // Россия и мусульманский мир. 2014. № 4. С. 31-37.
2. Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М.: Арт-Пресс, 2003. 144 с.
3. В Адыгее осужден житель Краснодарского края за попытку примкнуть к ИГИЛ. URL: <https://news.mail.ru/incident/24067643/?frommail=1> (дата обращения: 11.01.2016)
4. Внукова Л.Б. Динамика криминально-террористической активности в СКФО и трансформация бандподполья (2013 г. – июнь 2015 г.) // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Сборник статей. Ростов н/Д, 2015. С. 89-95.
5. Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пашенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 192 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. 2016. № 689-690. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=47 (дата обращения: 20.07.2016)
7. Делова Л.А. Ислам в межконфессиональном пространстве Южнороссийского региона // Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы. Уфа, 2015. С. 147-150.
8. Жаде З.А., Денисова Г.С., Клименко Л.В. Роль этнического фактора в формировании региональной идентичности населения Республики Адыгея // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2. С. 89-94.
9. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.07.2016)
10. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 23.07.2016).
11. Кратов Е.В. Участие религиозных объединений в работе по гармонизации межэтнических отношений в Карачаево-Черкесской Республике в 2009-2011 гг. // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона. Ростов н/Д, 2011. С. 102-105.
12. Ляушева С.А. Религиозная идентичность в условиях этнического многообразия // Этносоциальные процессы: региональное измерение. Майкоп, 2015. С. 84-91.
13. Нефляшева Н.А. Ислам в Республике Адыгея: современные вызовы и риски радикализации // Этносоциальные процессы и риски на Юге России. Майкоп, 2015. С. 195-197.

14. Патеев Р.Ф. Роль исламского фактора в современном адыгском движении // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 93-99.
15. Республиканская целевая программа «Взаимодействие с религиозными организациями в Кабардино-Балкарской Республике и их государственная поддержка» на 2013-2015 гг.: Утверждена Постановлением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 14 января 2013 г. № 13-ПП // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453362695> (дата обращения: 20.04.2016)
16. Республиканская целевая программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике» на 2011-2014 гг.: Утверждена Постановлением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 3 марта 2011 г. № 55-ПП // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/907002785> (дата обращения: 20.04.2016)
17. Северный Кавказ: сложности интеграции. II. Исламский фактор, вооруженное подполье и борьба с ним // Кризисная группа. URL: <http://www.crisisgroup.org/~~/media/Files/europe/caucasus/Russian%20translations/221-the-north-caucasus-the-challenges-of-integration-ii-islam-the-insurgency-and-counter-insurgency-russian.pdf> (дата обращения: 28.12.2012)
18. Суций С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М.: ЛЕНАНД, 2013. 432 с.
19. Такушинов Ш.Н. Причины религиозного экстремизма в молодежной среде в Карачаево-Черкесской Республике // Кавказ: проблемы реинтеграции социокультурного пространства и вызовы региональной безопасности. Ростов н/Д, 2012. С. 201-205.
20. Текушев И. Опрос в Кабардино-Балкарии: падающий рейтинг руководства республики на фоне роста исламского фундаментализма и нарушений прав человека // Caucasus Times – региональное информационное агентство. URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21073> (дата обращения: 05.09.2012)
21. Тишков В.А. (ред.) Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (второе полугодие 2015 года). Экспертный доклад. М.; Пятигорск; Ставрополь: Изд-во Пятигорск. гос. лингвист. ун-та, 2015. 141 с.
22. Тишков В.А., Аствацатурова М.А., Степанов В.В. (ред.) Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингвист. ун-та, 2014. 101 с.
23. Федотова А., Чеповская А. Юсуф и его команда: Как имам убедил адыгейские семьи бежать в «Исламское государство». URL: <http://lenta.ru/articles/2015/08/21/nehai/> (дата обращения: 25.08.2015)
24. Цветков О.М. Республика Адыгея // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2014 года). Ростов н/Д, 2014. С. 10-21.

The peculiarities of the Islamic religion politicization in the North-West Caucasus republics

Said-Khamzat M. Nunuev

PhD in History, Associate Professor,
Department of social and cultural services and tourism,
Chechen State University,
364037, 32 Sheripova st., Grozny, Chechen Republic, Russian Federation;
e-mail: nunuevsh2016@mail.ru

Abstract

The subject of the present study is the peculiarities of Islam politicization in the North-West Caucasus republics. The article aims to establish special features of Islam politicization in the republics of Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia and Adygeya based on the comparison of conflictogenity of political and religious processes. The empirical basis of this work includes regulatory legal acts, the results of opinion polls, and the statistics of terrorism-related crimes. The results of the research are applicable to the policy of public federal and regional authorities dealing with the problem of religious extremism and terrorism, and to the peacekeeping activities of religious organizations. On the basis of polls, the author proves that the level of devoutness among young people is low in the North-West Caucasus. It creates the opportunity to manipulate public opinion. Radical Islam is an ideological and organizational form, rather than the main cause of extremism threats. The author points out the uneven level of conflictogenity of political and religious processes. Kabardino-Balkaria shows the highest level and Adygeya - the lowest. The main reasons of conflict growth are low incomes and economic development, unemployment and low young people's involvement into politics, and debilitating influence from the Middle East countries. The author elaborates recommendations on improving the efficiency of countering religious extremism and suggests taking actions to depoliticize religions and implementing the programs of extremism prevention among the young generation.

For citation

Nunuev S.-Kh.M. (2016) Osobennosti politizatsii islama v respublikakh Severo-Zapadnogo Kavkaza [The peculiarities of Islamic religion politicization in the North-West Caucasus republics]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 4, pp. 52-65.

Keywords

Islam, politicization, conflict, political and confessional processes, religious extremism, countering extremism.

References

1. Babich I.L. (2014) "Myagkaya islamskaya revolyutsiya" v sovremennoi Adygee ["Soft Islamic revolution" in nowadays Adygeya]. *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim world], 4, pp. 31-37.
2. Babich I.L., Yarlykapov A.A. (2003) *Islamskoe vozrozhdenie v Kabardino-Balkarii: perspektivy i posledstviya* [Islamic revival in Kabardino Balkariya: prospects and consequences]. Moscow: Art-Press Publ.
3. Delova L.A. (2015) Islam v mezhkonnatsional'nom prostranstve Yuzhnorossiiskogo regiona [Islam in interfaith entity of the South-Russian Region]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo: istoriya, realii, perspektivy"* [Proc. All-Russian research and application conference "Russia as a traditional community: history, realia, prospects"]. Ufa, pp. 147-150.
4. Fedotova A., Chepovskaya A. *Yusuf i ego komanda: Kak imam ubedil adygeiskie sem'i bezhat' v "Islamskoe gosudarstvo"* [Yusuf and his crew: How imam convinced Adygei families flee to "The Islamic State"]. Available from: <http://lenta.ru/articles/2015/08/21/nehai/> [Accessed 7/06/16].
5. *Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda* [Summed up information on the All-Russia census of 2010]. Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm [Accessed 10/06/16].
6. Informatsiya o zaregistrovannykh nekommercheskikh organizatsiyakh [Information on the registered non-profit-making organizations]. *Informatsionnyi portal Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii* [Information portal of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. Available from: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> [Accessed 11/06/16].
7. Kratov E.V. (2011) Uchastie religioznykh ob"edinenii v rabote po garmonizatsii mezhethnicheskikh otnoshenii v Karachaevo-Cherkesskoi Respublike v 2009-2011 gg. [Religious associations' contribution to the harmonization of inter-ethnic relations in the Karachay-Cherkess Republic in 2009-2011]. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Sistemnyi krizis na Severnom Kavkaze i gosudarstvennaya strategiya razvitiya makroregiona"* [Proc. All-Russian academic conference "Systemic crisis at the Northern Caucasus and the state strategy of macroregion's development"]. Rostov-on-Don, pp. 102-105.
8. Lyausheva S.A. (2015) Religioznaya identichnost' v usloviyakh etnicheskogo mnogoobraziya [Religious identity in the context of ethnic diversity]. *Etnosotsial'nye protsessy: regional'noe izmerenie* [Ethnic and social processes: regional measure]. Maikop: Kachestvo Publ, pp. 84-91.
9. Neflyasheva N.A. (2015) Islam v Respublike Adygeya: sovremennye vyzovy i riski radikalizatsii [Islam in the Republic of Adygeya: modern challenges and radicalization risks]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Etnosotsial'nye protsessy i riski na Yuge Rossii"* [Proc. All-Russian research and application conference "Ethnic and social processes and risks in the South of Russia"]. Maikop, pp. 195-197.

10. Pateev R.F. (2014) Rol' islamskogo faktora v sovremennom adygskom dvizhenii [The role of the Islamic factor in the modern Circassian movement]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Caucasian scientific thinking], 1, pp. 93-99.
11. *Respublikanskaya tselevaya programma "Profilaktika terrorizma i ekstremizma v Kabardino-Balkarskoi Respublike" na 2011-2014 gg.: utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki ot 03.03.2011 № 55-PP* [Republic's special-purpose program "Terrorism and extremism prevention in the Kabardino-Balkarian Republic" for 2011-2014]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/907002785> [Accessed 10/06/16].
12. *Respublikanskaya tselevaya programma "Vzaimodeistvie s religioznymi organizatsiyami v Kabardino-Balkarskoi Respublike i ikh gosudarstvennaya podderzhka" na 2013-2015 gg.: utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki ot 14.01.2013 № 13-PP* [Republic's special-purpose program "Cooperation with religious organizations in the Kabardino-Balkarian Republic and their state support" for 2013-2015]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/453362695> [Accessed 8/06/16].
13. Severnyi Kavkaz: slozhnosti integratsii. II. Islamskii faktor, vooruzhennoe podpol'e i bor'ba s nim [North Caucasus: integration challenges. II. Islam factor, armed underground and a fight with it]. *Krizisnaya gruppy* [Crisis team]. Available from: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/215377/> [Accessed 12/06/16].
14. Sushchii S.Ya. (2013) *Severnyi Kavkaz: realii, problemy, perspektivy pervoi treti XXI veka* [North Caucasus: realia, problems, and prospects of the first third of the XXI century]. Moscow: LENAND Publ.
15. Takushinov Sh.N. (2012) Prichiny religioznogo ekstremizma v molodezhnoi srede v Karachaevo-Cherkesskoi Respublike [The grounds of religious extremism among young people in the Karachay-Cherkess Republic]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Kavkaz: problemy reintegratsii sotsiokul'turnogo prostranstva i vyzovy regional'noi bezopasnosti"* [Proc. International research and application conference "Caucasus: the problems of reintegration of social and cultural space and he challenges of regional safety"]. Rostov-on-Don, pp. 201-205.
16. Tekushev I. *Opros v Kabardino-Balkarii: padayushchii reiting rukovodstva respubliki na fone rosta islamskogo fundamentalizma i narushenii prav cheloveka* [Public opinion survey in Kabardino Balkariya: slipping polls of the republic's government against the background of Islamic fundamentalism growth and human rights violation]. Available from: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21073> [Accessed 12/06/16].
17. Tishkov V.A. (ed.) (2015) *Sostoyanie mezhetnicheskikh otnoshenii i religioznaya situatsiya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga (vtoroe polugodie 2015 goda). Ekspertnyi doklad* [The state of inter-ethnic relations in the constituent territories of the Russian Federation of the North Caucasian Federal District (the second half of 2015). Expert report]. Moscow; Pyatigorsk; Stavropol: Pyatigorsk State Linguistic University Publ.

18. Tishkov V.A., Astvatsaturova M.A., Stepanov V.V. (ed.) (2014) *Molodezh' v polietnichnykh regionakh Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. Ekspertnyi doklad* [Young people in multi-ethnic regions of the North Caucasian Federal District. Expert report]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University Publ.
19. Tsvetkov O.M. (2014) Respublika Adygeya [The Republic of Adygeya]. *Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v sub"ektakh Yuzhnogo federal'nogo okruga. Ekspertnyi doklad (po sostoyaniyu na pervoe polugodie 2014 goda)* [Inter-ethnic relations and the religious situation in the territories of the Southern Federal District. Expert report (as on the first half of 2014)]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ., pp. 10-21.
20. *V Adygee osuzhden zhitel' Krasnodarskogo kraya za popytku primknut' k IGIL* [Krasnodar Krai convicted of attempt to join ISIS in Adygeya]. Available from: <https://news.mail.ru/incident/24067643/?frommail=1> [Accessed 12/06/16].
21. Vnukova L.B. (2015) Dinamika kriminal'no-terroristicheskoi aktivnosti v SKFO i transformatsiya bandpodpol'ya (2013 g. – iyun' 2015 g.) [Criminal and terrorist activity in the North Caucasian Federal District and criminal underworld transformation (2013 – June, 2015)]. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 29-30 sentyabrya 2015 g.) "Problemy polietnichnogo makroregiona v usloviyakh destabilizatsii Kaspijsko-Chernomorskogo zarubezh'ya"* [Proc. All-Russian academic conference "The problems of multi-ethnic region in the context of destabilizing of Caspian-Black Sea countries" (September 29-30, 2015)]. Rostov-on-Don, pp. 89-95.
22. Vnukova L.B., Chelpanova D.D., Pashchenko I.V. (2014) *Sotsial'no-politicheskaya napryazhennost' v polietnichnom regione* [Social and political strain in a multi-ethnic region]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of Russian Academy of Science Publ.
23. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam Rossii [All-Union census of 1989. Population ethnic composition in the regions of Russia] (2016). *Demoskop Weekly* [Demoskop Weekly], 689-690. Available from: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=47 [Accessed 15/06/16].
24. Zhade Z.A., Denisova G.S., Klimenko L.V. (2011) Rol' etnicheskogo faktora v formirovanii regional'noi identichnosti naseleniya Respubliki Adygeya [The role of the ethnical factor in the development of population regional identity in the Republic of Adygeya]. *Politicheskaya ekspertiza* [Political examination], Vol. 7, 2, pp. 89-94.